

N.A. Kraynova

CRIMINAL PENALTY IN THE SYSTEM OF COUNTERING CRIME: NEW APPROACHES TO TRADITIONAL INSTITUTIONS

Nadezhda Kraynova – Dean of the Law Faculty, Saint-Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: kraynova.n@unecon.ru.**

The role of criminal punishment in the fight against crime in any state has at all times been of the essence. However while the system of penal sanctions has continuously been changing and improving the imprisonment as a deterrent has remained to be its main form of punishment for many centuries. The article focuses on different issues emerged in the course of reforming the Russian criminal law. The author shows the case for reflecting on and investigating the matters. In addition the author draws attention to application of certain criminal penalties and thereby provides proofs that reformation of traditional penalization system is highly needed in order to further improve its efficiency.

Keywords: criminal law; crime; criminal punishment; the fight against crime; implementation practices; the need for reforming criminal legislation.

Н.А. Крайнова

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАДИЦИОННЫМ ИНСТИТУТАМ

Надежда Александровна Крайнова – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: kraynova.n@unecon.ru.**

Роль уголовного наказания в борьбе с преступностью в любом государстве и во все времена была максимально значимой. И хотя система уголовных наказаний видоизменялась и совершенствовалась, главным ее видом на протяжении многих веков остается лишение свободы. В статье рассмотрены проблемы, возникшие в годы реформирования российского уголовного законодательства. Автор обосновывает необходимость их осмысления и исследования в современных условиях. Также автор обращает внимание на практику применения отдельных видов уголовного наказания и доказывает необходимость реформирования традиционного института уголовного наказания в целях повышения его эффективности.

Ключевые слова: уголовный закон; преступность; уголовное наказание; борьба с преступностью; необходимость реформирования уголовного законодательства; практика применения.

Уголовное наказание является значимым и действенным инструментом противодействия преступности, средством защиты прав и свобод личности, общества и государства. На протяжении всей истории развития институт уголовного наказания совершенствовался в плане корректировки санкций, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, а также видоизменялась практика применения уголовных наказаний.

В настоящее время практика применения уголовных наказаний свидетельствует о

значительной либерализации. Ушли в далекое прошлое наказания, причиняющие физические страдания, причиняющие боль и мучения. Хотя случаи применения таковых в реальной действительности еще имеют место. По свидетельствам опроса, проведенного Левада Центром, «каждый десятый россиянин по-прежнему сталкивается с пытками со стороны силовиков. За прошлый – 2018 г. в комитет против пыток ООН поступило 147 жалоб из России. Однако только за первые шесть месяцев этого года их уже 122» [9].

Зачастую уголовное наказание используется государственной властью в качестве инструмента регулирования. В переломные для государства периоды, обусловленные изменением социально-экономических условий, изменением политической организации власти или государственного устройства, в том числе военных переворотов в большинстве случаев возрастает и количество совершаемых противоправных посягательств. Рост преступности в такие периоды, как правило, сопровождается применением суровых репрессивных мер, основной составляющей которых являются меры уголовной репрессии.

Нередко инициатива применения строгих мер уголовно-правового воздействия принадлежит самому населению, а государство выступает своего рода проводником таких идей. История знает примеры таких хорошо организованных кампаний, подобных «охоте на ведьм». Взять хотя бы «культурную революцию» в Китае, борьбу с «врагами народа» в СССР. Данные периоды времени характеризовались показательными судебными процессами, в результате которых люди приговаривались к чрезмерно суровым наказаниям, а иногда и совершенно без фактических оснований к этому. Принципы справедливости и соразмерности уголовного наказания были отданы на откуп политическим мотивам, которые маскировались желанием народа и волей масс. Практика знает такие случаи, когда однажды введенная как временная мера впоследствии таковая оставалась в законодательстве надолго: законодатель не спешил заменять чрезмерно жесткую меру на более лояльную.

Наиболее показательным в рассматриваемом аспекте является история законодательного закрепления и применения смертной казни в России, которая и до сих пор предусмотрена ст. 44 УК РФ. Проведенные опросы населения показывают, что «большинство россиян (69%) считают допустимым приговаривать преступников к смертной казни. Больше половины (52%) выступают за возвращение смертной казни в России, следует из результатов опроса фонда «Общественное мнение» [13].

Среди преступлений, за которые респонденты приговаривали бы к смертной казни, – сексуальное преступление против несовершеннолетних (68%), убийство (57%), терроризм (53%), изнасилование (52%), а также распространение наркотиков, госизмена и взяточничество [13]. К сожалению, такое положение дел свидетельствует о том, что общество не готово к отмене смертной казни, в широких общественных массах все еще велико убеждение о всеисильности максимальной уголовной репрессии, о возможности предупреждения преступлений исключительно мерами уголовно-правового характера, которые должны быть суровыми.

Как представляется, не следует чрезмерно переоценивать возможности уголовного наказания как инструмента сдерживания преступности. Все-таки потенциал мер уголовной репрессии довольно ограничен. Об этот весьма убедительно свидетельствует достаточно высокий уровень рецидивной преступности в мире, и в Российской Федерации, в частности.

По данным анкетного опроса осужденных, имеющих 2 и более судимости, содержащихся в ИК-6 в Санкт-Петербурге, не считали назначенное наказание справедливым 74% опрошенных. И после отбытия наказания вряд ли жизнь бывших осужденных улучшится и отбытое наказание будет ими восприниматься в качестве справедливого возмездия. К сожалению, в Российской Федерации отсутствует отлаженная государственная система ресоциализации бывших осужденных,

отсутствует механизм реализации мер адаптации и возвращения к законопослушной жизни. Освобожденные от отбывания наказания лица практически со стопроцентной уверенностью являются тем контингентом, который пополняет ряды будущих рецидивистов, профессиональных преступников.

Однако не только проблема применения чрезмерно суровых наказаний, их несправедливости и необоснованности является существенным препятствием реализации наказания как инструмента противопреступной деятельности, но и сознательная неприменимость наказания к некоторой части населения, которая, используя властные полномочия, получает возможность избежать уголовного преследования либо отделаться мягким наказанием. Беснаказанность с неизбежностью влечет уверенность во вседозволенности, формирование пренебрежительного отношения к закону со стороны имеющих власть богачей, с другой стороны влечет ощущение беспомощности и бессилия перед преступниками основной массы населения.

Реализацию уголовной репрессии не стоит расценивать как единственно верный способ противостояния преступности. Нормы уголовного закона достаточно консервативны, изменения законодательства, зачастую, не поспевают за «совершенствованием» преступной деятельности. Уголовный закон реагирует на уже создавшуюся ситуацию сформировавшейся общественной опасности деяния. Однако следует отметить и обратную зависимость: зачастую закон сам несет в себе криминогенный потенциал, способствует росту преступных проявлений. Проводимые последние годы в России реформы не всегда были оправданными с социальной точки зрения и не всегда защищали действительно нуждающиеся слои населения, что порождало рост социального возмущения и, как следствие, рост преступности.

Все еще далека от совершенства и практика применения уголовного закона. Несмотря на провозглашенные в законодательстве принципы справедливости и равной ответственности перед законом всех категорий лиц, практика использования «двойных стандартов» при реализации уголовно-правовой ответственности в зависимости от социального статуса физического лица процветает достаточно широко. Особенно это характерно для территорий субъектов Российской Федерации, где за незначительное преступление, например, кражу недорогого предмета, можно получить наказание сроком лишения свободы на 2–3 года, а власть предрержащие люди в случае хищения многомиллионных сумм из бюджета смогут остаться безнаказанными. В этой связи представляется своевременным и оправданным высказанная в литературе точка зрения о том, что «подсчет ущерба, причиняемого властью, – предмет специального исследования, пока же можно смело утверждать, что в том числе и в новейшей истории России невозможно назвать правителя, который своими действиями или, наоборот, бездействием не нанес бы ощутимый урон народу» [17, с. 24].

В России, как и во всем мире, праят бал власть и деньги. Именно такой расклад сил не позволяет сделать вывод о том, что классическая формулировка – преступник тот, кто преступает закон – сбрасывает во всех случаях одинаково, несмотря на финансовое или социальное положение виновного. Да и сам уголовный закон не всегда последователен в отношении всех, кто подпадает под его юрисдикцию, например, позволяя лицам, совершившим преступления в сфере экономической деятельности, уходить от ответственности, уплатив установленную сумму штрафа и недоимки в бюджет государства. Думается, что в таком случае действительно можно согласиться с утверждением некоторых исследователей о том, что «ряд норм уголовного закона защищает интересы власть имущих, составляющих меньшую часть общества, принося вред большинству социума» [6, с. 191].

В России растет количество людей, владеющих многомиллионными состояниями, законность приобретения которых вызывает немало вопросов. Несмотря на предпринимаемые государством меры, направленные на усиления контроля за

оборотом финансов, прозрачности экономических операций, внедрения новых цифровых форм контроля и аудита, правомерность приобретения значительных состояний, особенно, если речь идет о чиновниках и их «поразительно удачливых в бизнесе» родственниках, дает весьма весомый повод думать о криминогенном характере доходов таких лиц.

Как отмечается в интернет-источниках, доходы богатейших лиц в России растут в 6 раз быстрее ВВП страны. Рост долларовых миллионеров и миллиардеров продолжался все эти годы. В 2018 г. общее число долларовых миллионеров в России увеличилось на 30% – до 172 тыс. чел., что на 40 тыс. больше, чем в 2017 г. Россия заняла первое место в мировом рейтинге по темпам роста числа мультимиллионеров [1]. По числу долларовых миллиардеров Россия занимала пятое место в мире в 2018 г. и, по данным аналитиков, сохранит эту позицию в ближайшие пять лет. Всего в мире состоянием от 30 млн долл. располагали 198342 чел. [10].

В таких условиях в обществе зреет социальное недовольство, которое провоцирует, зачастую, криминогенный результат. В общественном сознании прочно укореняется идея бессилия уголовного наказания, представление о глубокой коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, бессилии закона и необходимости обращаться к самозащите своих прав, в том числе используя механизмы контактов с организованными преступными группировками, преступными «авторитетами» [18, с. 52]. Нередки случаи, когда власть использует уголовно-правовой инструментарий как способ воздействия на «неудобных» людей. Так, при помощи безосновательно возбужденных уголовных дел в отношении бизнесменов происходит фактически передел собственности, сфер влияния. Избрание меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении руководителей компаний, а также арест счетов способны в короткие сроки погубить любой, даже самый успешный бизнес.

Уголовное наказание в виде лишения свободы в России традиционно являлось самым главным видом наказаний. Россия занимает десятое место в мире по количеству заключенных на 100 тысяч жителей – 442 заключенных [11]. Во многих российских уголовно-исполнительных учреждениях условия содержания и обращения с осужденными далеки от идеальных. Особенно данная ситуация характерна для следственных изоляторов, где вопросы перенаполнения, отсутствия достойных условий содержания стоят достаточно остро. По данным ФСИН, на 2017 г. в московских СИЗО содержалось 11 279 чел. при лимите 8 657 тысяч мест. «В среднем на одного заключенного приходится 3,1 кв. м», – констатируют в ведомстве. При этом москвичей в столичных СИЗО около трех тысяч, около пяти тысяч – жители других регионов РФ, остальные – иностранцы, отмечается в публикации [14]. В настоящее время в государстве принимаются меры, направленные на улучшение ситуации, однако негативный фон все еще сохраняется. Применение неоправданно суровых наказаний, принуждение, унижение достоинства, а нередко и пытки создают негативную ситуацию, в целом не способствуют достижению наказанием цели восстановления социальной справедливости и предупреждения преступлений.

Положения ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 2 Конституции РФ в единстве своего толкования предусматривают недопустимость применения чрезвычайно суровых, жестоких, унижающих честь и достоинство человека наказаний. Однако теоретические нормативные установления не всегда согласуются с тем, что происходит на практике. По данным, приведенным в отчетах о деятельности общественных наблюдательных комиссий, количество жалоб осужденных на недопустимое обращение с ними, значительное количество безосновательно примененных мер дисциплинарных взысканий и применение пыток за последнее время не только не сократилось, но и увеличилось [7].

Несмотря на то, что юридически исполнение наказания начинается с момента

вынесения приговора, фактически время начала определяется моментом задержания и в дальнейшем – помещения в следственный изолятор. Именно там происходит первое приобщение человека к криминальной субкультуре, переход от состояния свободной личности к осознанию жестких рамок и границ своих возможностей под воздействием внешней среды. Дальнейшее помещение в исправительные учреждения, нахождение в условиях изоляции усугубляют деформацию личности, способствуют формированию преступных привычек и наклонностей. Зачастую, вместо исправления, в результате применения наказания в виде лишения свободы общество получает обратный эффект – закоренелого преступника, обозленного на государство и не видящего иных перспектив своего существования, кроме как путем совершения преступлений.

Достаточно часто такое положение дел обусловлено существующими «традиционными» механизмами работы самой правоохранительной и судебной систем. Обвинительный уклон со стороны государства, коррумпированность судебной системы, нежелание правоохранителей вникать глубоко в обстоятельства совершенного преступления, учитывать особенности личности, обусловленные в том числе и большой загруженностью, приводят к губительным последствиям. В обществе растет недоверие к правоохранительной системе, судебная реформа пробуксовывает.

Многое в решении проблем реализации уголовной репрессии зависит от субъектного состава участников процессов. Как представляется, российская беда состоит не только в дорогах и дураках, но и в чрезмерной привычке следовать традициям, ориентироваться на мнение начальника/руководителя, бояться принимать самостоятельные решения. К сожалению, в России не так много судей, способных свободно мыслить, в силу того, что в судьи попадают кадры из правоохранительных органов.

Находясь под действием определенных правил корпоративной культуры, боязни подвергнуться критике и осуждению со стороны руководства, судьи боятся выносить оправдательные приговоры. В российской практике достаточно мало вынесенных судами оправдательных приговоров. По данным исследователей, «доля оправдательных приговоров сократилась в последние несколько лет вдвое. И изменился подход к оправданиям: граждан, обвиненных в коррупционных преступлениях, суды оправдывают вдвое чаще, чем остальных. Среди злоупотребляющих служебным положением – 2,1% оправданных, среди превышающих служебные полномочия – 1,6% (в 2015-м аж 2,9%), среди обвиняемых в служебном подлоге – больше 3%» [8].

Сложившаяся ситуация ни в коей мере не способствует достижению целей наказания: восстановлению социальной справедливости. Вынесенный приговор не расценивается как заслуженное наказание, побуждающее к переосмыслению своих жизненных принципов, так как осужденный осознает заранее свою обреченность, некую безысходность перед лицом судебной системы, аппарата государственного принуждения в целом.

Уголовное наказание должно быть основано на законе, применено в строгом соответствии с положениями, предписанными законом. Обнаружение преступления, все следственные действия, квалификация, определение меры наказания и вынесение приговора должны быть законными, справедливыми и обоснованными. Только при таких условиях можно рассчитывать на то, что социальная справедливость будет восстановлена, преступная личность твердо встанет на путь исправления, предупреждение преступлений будет реальностью, а не декларативным постулатом. Реализация обозначенного положения возможна только тогда, когда судья станет реальным и независимым арбитром, когда уголовный процесс станет по-настоящему состязательным, а должности следственных и прокурорских работников будут занимать высокие профессионалы в результате строгого конкурсного отбора. Когда судья станет беспристрастным арбитром, рассматривающим доказательства с обеих

сторон, отмечает адвокат, член Совета при Президенте РФ по правам человека Ш. Горгадзе, когда и защита, и обвинение будут на равных условиях, тогда качественно вырастет само правосудие, а также профессионализм прокуроров. На сегодня же им достаточно просто прийти и произнести несколько заученных абзацев во время, например, продления срока заключения под стражу [12].

К сожалению, уголовное наказание все чаще превращается в инструмент политической репрессии, используется в качестве действенного способа устранения неугодных бизнесменов, государственных служащих и других лиц. Однако российская практика демонстрирует и иные примеры существенных различий в сроках и размерах наказаний в зависимости от имущественного положения и социального статуса обвиняемых.

Так, например, Александр Баринов, глава администрации Ненецкого автономного округа, с 1999 по 2003 гг. совершил 12 эпизодов хищения имущества ОАО «Архангельскгеолдобыча» на сумму более 82 млн руб., это и покупка квартир и гаражей в Архангельске за присвоенные деньги, и нецелевое расходование бюджетных средств при заключении договоров с коммерческими предприятиями. Сумма: 19 млн руб. (только по части обвинений). Наказание: 16 месяцев СИЗО и 3 года «условки». Изначально ему хотели дать 10 лет колонии общего режима. Евгений Адамов, министр по атомной энергетике (1998-2001 гг.). Арестован в Швейцарии по запросу США. Что сделал: мошенничество в особо крупных размерах, злоупотребление должностным положением. Списал долги компании «Globe Nuclear Services and Supply Limited» на 100\$ млн. Сумма: 9\$ млн. Наказание: 14 месяцев в СИЗО, 6 месяцев под подпиской о невыезде и 4 года условно с испытательным сроком 3 года. Адвокатом Адамова выступал Генри Резник [4].

И пример того, как наказывают обычных граждан. В 2016 г. в Березниках (Прикамье) мужчина попытался украсть 14 палок колбасы, в общей сумме на 2600 руб. Охрана магазина задержала вора. В суде он получил 7 месяцев колонии строгого режима. Чтобы было понятнее: в такие колонии сажают преступников за особо тяжкие статьи и рецидивистов. В Москве: мужчина взял у друга из автомобиля 4000 (4 тысячи) рублей. Друг обиделся, вызвал полицию, от возмещения – отказался. В итоге вор получил 1 год и 8 месяцев тюрьмы. В 2015 г. в Петрозаводске 22-летний парень украл 3 игрушечных медведя, на общую сумму 3600 рублей. Итог – 3 года колонии. Нижний Новгород: 3 подростков (2 несовершеннолетних, 1 – 18-летний) взламывали тир, крали оттуда призовые игрушки и дарили их прохожим и своим подругам. «Банду» поймали и жалеть не стали: несовершеннолетние получили по 5 и 4 года лишения свободы, самый старший – 4 года «условки» [5].

Тесно связана с проблемой эффективности уголовного наказания и ставшая реальностью практика так называемых «заказных» расследований и наказаний, организации «специальных» условий отбытия наказания. Из средств массовой информации мы узнаем о появлении VIP камер в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, предназначенных для содержания финансово состоятельных преступников. За деньги в колонии можно получить отличное питание, содержание и даже развлечения. В таких условиях можно говорить о том, что ценность уголовного наказания существенно снижается, оно превращается в предмет торга между властью имущими и остальной частью населения.

Появление новых видов преступности, изменения ставших уже привычными форм и видов преступных проявлений сквозь призму развития гражданского общества с неизбежностью влекут необходимость формирования новой системы противодействия преступности, включающей взаимодействие и взаимопроникновение традиционной системы уголовно-правовых санкций и выстраивания эффективной государственной системы ресоциализации осужденных. Уголовная политика современного государства должна быть направлена на сокращение применения лишения свободы, как основного

вида наказания, и как альтернатива расширение практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы. В какой-то мере решению данной проблемы способствовал введенный Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ новый вид наказания – принудительные работы, которые стали применяться с 01.01.2017 г. как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые [3]. Указанное нововведение позволило сократить количество осужденных, направляемых для отбывания в места лишения свободы, но всех проблем не решило. В докладе о результатах мониторинга правоприменения в РФ за 2018 г. перечислен ряд проблем, которые возникают в ходе назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ, особое внимание обращено на ситуацию, касающуюся «механизма стимулирования организаций к созданию рабочих мест для отбывания осужденными наказания в виде принудительных работ, – предоставления организациям, использующим труд осужденных, льгот по уплате налогов в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах» [5]. Этот вопрос пока не решен на законодательном уровне.

Оптимальным представляется обратить внимание судов на необходимость назначать наказание в виде лишения свободы только за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления против личности, в том числе связанные с терроризмом. Наказания, не связанные с лишением свободы (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы), – назначать за иные преступления, в том числе, корыстные посягательства.

Существенным аспектом назначения наказания является и учет интересов потерпевшего как элемент достижения цели восстановления социальной справедливости. Возможно, следует проанализировать практику функционирования института судебных примирителей, который стал действовать в Российской Федерации с 25 октября 2019 г. «Судебный примиритель – это центральное лицо данного варианта решения споров. Он не медиатор по смыслу норм кодексов. Судебный примиритель участвует в гражданских, арбитражных и административных процессах. По замыслу законодателя, его задача – помочь сторонам конфликта прийти к разумному и взаимовыгодному решению без привлечения или с минимальным участием суда. Такой институт ввели для снижения затрат на судебные процедуры и загруженности судов» [2]. Предлагается распространить практику работы судебных примирителей и на уголовный процесс, например, по делам частного обвинения.

Следует также обратить внимание на применение конфискации имущества, вернуть ее в перечень видов наказаний, предусмотренных УК РФ. Конфискация имущества, являясь традиционным институтом уголовного права, выступает мощным сдерживающим фактором, способным существенно повлиять на материальную базу преступника и обесценивающим идею накопления имущественных благ противоправным способом, если есть вероятность лишиться таковых по решению суда.

Необходимо также обратить внимание на практику действия института иных мер уголовно-правового характера. Так, полагаем целесообразным дополнить уголовное законодательство системой мер медико-психологического характера, которые могут быть применены к алкоголикам, наркоманам, лицам, совершившим преступления в тяжелой жизненной или экстремальной ситуации.

В России в настоящее время достаточно много лиц, потерпевших от разного рода мошенничеств, финансовых пирамид, утративших последние сбережения, оставшихся без жилья и т.д. Некоторые из них пытаются решить свои проблемы преступным путем. Безусловно, такие лица являются виновными и должны быть наказаны, однако, имея ввиду предусмотренные уголовным законодательством цели наказания, думается, в

данных условиях можно обойтись без применения серьезных наказаний, используя возможности иных мер уголовно-правового воздействия, прежде всего, медико-психологические меры.

Максимально эффективными будут медико-психологические меры в отношении лиц, злоупотребляющих алкоголем, страдающих наркоманией и токсикоманией. Такие лица представляют собой максимально неприспособленную к законопослушной жизни категорию граждан: их личность деформирована, нравственно-психологические качества не позволяют коммуницировать с другими людьми, они морально опустили и деградировали. Большинство из них не в состоянии устроиться на работу, не могут самостоятельно зарабатывать деньги и вынуждены прибегать к преступным способам заработка. Уголовное наказание не исправляет таких лиц, а является иллюзией. Зачастую, нахождение в исправительном учреждении спасает от неминуемой смерти от голода и холода на улице. И именно медико-психологическое воздействие в отношении таких лиц с учетом современных научных достижений в данной области, думается, способно привести к результатам. Здесь необходим продуманный взвешенный подход, взаимодействие со специалистами в сфере медицины.

Необходимо обратить внимание на развивающийся и все более находящийся поддержку в российской правовой действительности феномен мер безопасности, которые могут применяться наряду с уголовным наказанием. В этой связи следует упомянуть труды профессора Н.В. Щедрина, который отмечал, что меры безопасности всегда присутствовали в числе мер воздействия, но вычленил и описал их «удалось только в конце XIX века при достаточно развитой теории права, в первую очередь уголовного» [16]. Однако не следует применять меры безопасности бездумно и без дополнительных исследований. Меры безопасности – это инструмент, которым нужно пользоваться с особой осторожностью, предварительно изучив и «наточив» [15].

Особого внимания заслуживает вопрос о применении мер безопасности в связи с появлением относительно нового феномена киберпреступности, использующей информационно-коммуникационные технологии и процессы, существующие в киберпространстве и имеющие мало общего с отношениями между людьми. Так, например, если речь идет о хищении криптовалют, «артефактов», имеющих реальную ценность в компьютерной игре и т.д. Рост количества преступлений, совершаемых в киберпространстве, в соотношении с количеством раскрываемых преступлений и лиц, осужденных за их совершение, демонстрирует неспособность традиционных уголовно-правовых институтов выступать в роли единственного сдерживающего регулятора. Представляется, здесь необходимо обращаться к разработке и применению мер безопасности.

Таким образом, вышеизложенное позволяет говорить о необходимости в современных условиях реформирования традиционного института уголовного наказания в целях повышения его эффективности в противодействии социальному злу, которым является преступность. Следует не только ограничиваться глубокими научными проработками данного вопроса, но и уделять внимание практическому подтверждению научных постулатов путем проведения криминологических экспериментов, иных методов криминологического исследования. Необходимо обратить внимание на практику применения отдельных видов уголовного наказания, предусмотренных УК РФ, формирования качественно новых механизмов применения данных наказаний, создания условий максимально эффективного, индивидуального отношения к преступнику с целью его возвращения к нормальной жизни в обществе, обеспечения достижения индивидуальной превенции в отношении таких лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. В 2018 году число долларовых миллионеров в России увеличилось на 30% // Информационно-аналитическое агентство «УралБизнесКонсалтинг»: [сайт]. URL:

<http://urbc.ru/1068082586-v-2018-godu-chislo-dollarovyh-millionerov-v-rossii-uvelichilos-na-30.html> (дата обращения: 03.02.2020).

2. В России начали действовать судебные примирители // Практический журнал для юриста «Юрист компании»: [сайт]. URL: <https://www.law.ru/article/22613-sudebnye-primiriteli> (дата обращения: 23.02.2020).

3. Власти обратили внимание на принудительные работы и домашнее насилие // Адвокатская газета: [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vlasti-obratili-vnimanie-na-prinuditelnye-raboty-i-domashnee-nasilie> (дата обращения: 23.02.2020).

4. *Иванов Д.* Как наказывают чиновников и простых людей: за кражу миллионов – условка, а за кражу еды – реальный срок // Reconomica: [сайт]. URL: <http://www.reconomica.ru> (дата обращения: 23.02.2020).

5. Коррупция – цемент вертикали власти // Регионы России: [сайт]. URL: <http://www.gosrf.ru/news/12715/> (дата обращения: 23.02.2020).

6. *Кургузкина Е.Б.* Преступник, власть, закон // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. С. 191.

7. Общественные наблюдательные комиссии. Контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания РФ // Общественные наблюдательные комиссии: [сайт]. URL: <http://antipytki.ru/> (дата обращения: 23.02.2020).

8. Перед кем вы оправдываетесь? Следствие и суд в России – даже не единая корпорация, а семья. Поэтому такой низкий процент оправдательных приговоров – 0,36 // Новая газета: [сайт]. URL: <https://novayagazeta.ru/.1> (дата обращения 23.02.2020).

9. Попытки в России: больше фактов каждый год // Белсат ТВ: [сайт]. URL: <https://belsat.eu/ru/programs/pytki-v-rossii-bolshe-faktov-kazhdyj-god/> (дата обращения: 03.02.2020).

10. Россия заняла первое место в мировом рейтинге по темпам роста числа мультимиллионеров // Новая газета: [сайт]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/03/06/149794-rossiya-zanyala-pervoe-mesto-v-mirovom-reytinge-po-temпам-rosta-chisla-multimillionerov> (дата обращения: 03.02.2020).

11. Садитесь пореже // Российская газета. 2016. 9 марта. URL: <https://rg.ru/2016/03/09/rg-zaniata-10-mesto-v-mire-po-chislu-zakliuchennyh-na-100-tysiach-zhitelej.html> (дата обращения: 15.02.2020).

12. Сто к одному: почему в России так мало оправдательных приговоров // Адвокатское бюро «Казачков и Партнеры»: [сайт]. URL: <http://www.abkazakov.ru1> (дата обращения: 23.02.2020).

13. ФОМ: больше половины россиян выступают за возвращение смертной казни // Новая газета: [сайт]. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2019/11/01/156585-fom-bolshinstvo-rossiyan-schitayut-dopustimym-prigovarivat-prestupnikov-k-smertnoy-kazni> (дата обращения: 03.02.2020).

14. ФСИН придумала, как разгрузить переполненные СИЗО // NEWSru.com: [сайт]. URL: <https://www.newsru.com/russia/25jan2016/sizo.html> (дата обращения: 15.02.2020).

15. *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности: монография / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. 180 с. URL: <https://scicenter.online/trudovoe-pravo-scicenter/sovremennyye-problemy-i-razvitiya-teorii-mer.html> (дата обращения: 23.02.2020).

16. *Щедрин Н.В.* Меры безопасности и предупреждение преступности // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. Российская криминологическая ассоциация. М., 2001. С. 460.

17. *Щедрин Н.В., Кылина О.М.* Меры безопасности для охраны власти и ее защиты от нее. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. С. 24.

18. *Юцкова Е.М.* Криминальная ситуация и изменения характеристик преступников в кризисные периоды развития общества // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. С. 52.